

Зал предков / The Ancestors' Hall (рассказ)

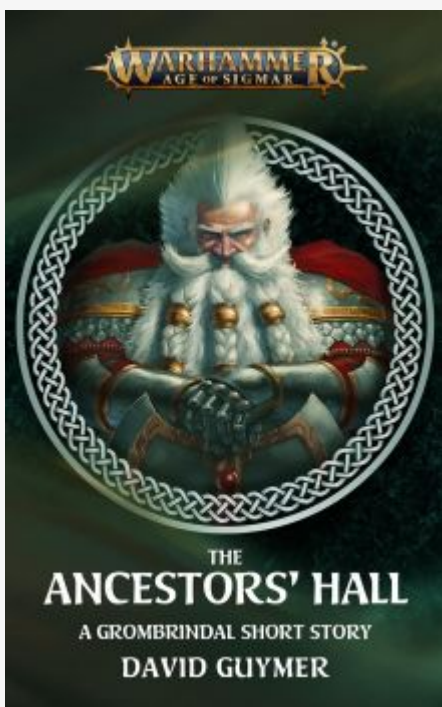
Перевод коллектива "[Вольные Криптографы](#)"

Этот перевод был выполнен коллективом переводчиков "Вольные Криптографы". Их канал в Telegram находится [здесь](#).

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

*Зал предков / The Ancestors' Hall
(рассказ)*

Автор	Дэвид Гаймер / David Guymmer
Переводчик	StacyLR
Редактор	Ejiarch , Mikael Loken
Издательство	Black Library
Серия книг	Громбриндаль / Grombrindal
Входит в сборник	Неукротимые владения / Untamed Realms
Год издания	2022
Подписаться на обновления	Telegram-канал

Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Король Эгиль Трондикссон уставился в свою чашу с элем и пытался вспомнить, каков он на вкус. Окованная золотом чаша весила как набитый монетами сундук. Толстая резьба изображала подобие дуардинов, которые являлись предками Эгиля лишь по его предположениям, а рунические надписи свидетельствовали о богатстве, возрасте и мастерстве владельца чаши. Он поднес ее к своему большому носу и принялся, намочив тонкую щетину белых волос, пучками росших из обеих ноздрей.

Шел слабый, явно минеральный запах колодезной воды.

- Помнишь партию Запаса Предков, которые Скалли Троггобой откупорил на пир Кунгстроллен?.. - Он осекся, попытавшись вспомнить, сколь именно лет назад это было. Будто гадаешь, сколько в стене кирпичей. Ответ находился прямо перед ним, но от размаха у Эгиля стекленели глаза.

Столь много лет назад.

Должно быть, до того, как закрыли врата. И до того...

Он содрогнулся, далекое воспоминание опустилось на него тонким слоем пыли и слетело.

Должно быть, до того.

Через одно место от него Финн Эгильссон все равно понимающе кивал, будто воспоминания капнули в его голову, как мед в эль, и теперь медленно растекались к краям.

- Землистый букет, - пробормотал он. - Сильная вишневая нота, - в его затуманенные возрастом глаза, казалось, вернулась жизнь, едва он вспомнил время, когда мир был лучше, чем сейчас. - Да. Я помню его.

Эгиль еще помнил своего сына крепким, румяным дуардином, каким он был, и зачастую с трудом мирился с живым предком, которого видел теперь. Тяжелая рубаха из серебряных колец болталась на иссохшихся плечах Финна. Пальцы, сомкнутые на чаше с элем, походили на пальцы дуардинского скелета, крупные кости тянули вниз кольца с драгоценными камнями, жалко поблескивающими в свете ламп. Кажется, годы взяли свое у обоих.

- В те дни дуардины умели варить эль, - сказал Финн.

- Умели, - согласился Эгиль.

- Не как нынешние дуардины, - продолжил Финн.

Эгиль кивнул.

- Не как нынешние.

Пиршественный зал был огромным, тянущимся в бесконечность помещением, подпираемым колоннами, вырезанными в виде крупных подобий королей и королев, идущих вдоль обеих стен будто назад во времени. Самые далекие Эгиль едва мог разглядеть. В нескольких десятках очагов ревел огонь, давая пышную демонстрацию богатства, но, что странно, мало тепла или уюта. Свет, по большей части,

исходил от лампокаменной, встроенных в потолок. Они превращали пол в мозаику приглушенных цветов, присыпанную огромными участками тени. Каждый год гильдия каменщиков тратила время между Кунгстроллен на расширение зала, устанавливая дополнительные очаги и больше рядов столов, чтобы вместить новоприбывших. Места теперь хватало для нескольких десятков тысяч дуардинов, но лавок поставили едва ли на сотню. Их серые головы были разбросаны по залу, океаны пустого пространства между ними служили лишь тому, что подчеркивали отсутствие гостей.

«Не странно ли это, - гадал Эгиль, - давать столько места на такое малое количество народу?».

Он повернулся, бросив взгляд на стул с высокой спинкой между ним и его сыном. Сучковатое дерево спинки было старым, потемневшим и втертым до гладкости, словно от использования, хотя Эгиль знал, что это невозможно. Ему казалось особенно расточительным и даже жестоким, иметь подле себя такое роскошное кресло, на котором некому сидеть. Потрясенный чем-то недостаточно ясным, чтобы назвать воспоминанием, он провел рукой по подлокотнику. В конце, у него появилось необъяснимое ощущение ладони кого-то другого, лежащей на его. Он отдернул руку быстрее, чем двигался за многие десятилетия, и чуть не опрокинул эль.

- Отец? - произнес Финн.

Эгиль нахмурился и вновь обратил внимание на чашу.

Ни один дуардин никогда не занимал третье кресло за почетным столом между ним и его сыном. Он бы помнил.

Встревоженный и неуверенный, чем именно, он глотнул эля.

На вкус он был не столько плох, сколько пресен. Какими бы качествами не обладали когда-то напитки Троггбоя, из-за повторения они потускнели, став такими же серыми, плоскими и непримечательными, как сам почтенный мастер-пивовар.

Эгиль поставил эль с тяжелым золотым «*клац*», как раз когда под сонное бормотание голосов и передвигание стульев, на ноги через силу поднялся Лауффир Алдонги.

Посланник крепости к владениям вовне постучал деревянной ложкой по боку своей чаши, призывая к тишине. Группа шахтеров стихла, в неподвижности зала эхом ушли последние гудки волынок. Эгилю пришлось осознанно обдумать последние несколько часов, чтобы понять, что он, вообще-то, даже не замечал их игру. Когда Лауффир встал, его бледно голубой плащ мерцал так, как блестит жила кристаллов в камне, когда по ней проходит свет. Борода его была из тонких белых волос, а голова лысела. Лицо - доброе, но с вечным оторопелым выражением, будто он постоянно находился в противоречии с состоянием мира, который видел вокруг. На носу у него лежали очки с толстыми линзами.

Когда они все так постарели?

Лауффир прочистил горло, и Эгиль тут же почувствовал, как снова отстраняется. Он давал ту же речь каждый год на Кунгстроллен, дабы поприветствовать в их зале новоприбывших. Эгилю не нужно было вновь ее слушать. Он слышал ее тысячу раз до этого. Дуардин говорил о стремительности в слиянии двух рек - из железа и из олова. Говорил о заводных зверях, занимавшихся тяжелым трудом на полях минералов, пока дуардины посвящали свои изобретательность и досуг созданию еще более затейливых орудий для сдерживания сил Хаоса. Говорил о солнце, встающем и садящимся по рельсам, и весенних дождях, поливающих великую цитадель редкими и диковинными металлами. Мало кто здесь рождался.

Эгиль не знал ни одного, хотя был уверен, что читал или слышал, что в далеком прошлом такое случалось. У него не было ясных воспоминаний о собственном доме. Призрачное ощущение растительности. Песни.

Слушая, как говорит Лауффир, Эгиль гадал, почему все они вообще ушли, чтобы попасть сюда.

Он тяжело перегнулся через пустующее кресло к Финну, будто не двигался тысячи лет и его кости начали срастаться.

- Ты помнишь...

Он неожиданно прервал сам себя. Ему казалось, что теперь они редко говорили, если только не о прошлом. Эгиль отстранился, пытаясь придумать тему для разговора о чем-то более недавнем, и понял, что не может.

Лишь в этот момент он осознал, что Лауффир умолк.

Два престарелых молотобойца, обычно несших стражу у двери, долго-долго шли по проходу между пиршественными столами. Между ними шел ощутимо менее древний дуардин. На нем был тяжелый комплект доспехов из литого громрила с шуршащей кольчужной юбкой, висевший до самых его щиколоток. Шлем его был открыт, выставив напоказ грубоватое лицо с белой бородой. По обычаю, он сдал оружие у двери. Но даже при этом, в своей тяжелой броне, он казался огромным и, вставая на колени и склоняясь перед королевским столом, скрипнул так, словно ожил один из каменных предков.

Дуардины в зале совсем смолкли и продолжали молчать. Эгиль долго размышлял, что ожидается от него в этой ситуации. Кунгстроллен уже давно не прерывался чем-то неожиданным. Или любое другое действие, раз на то пошло.

- Добро... добро пожаловать к моему... эм... столу.

Дуардин поднял глаза, но остался стоять на колене. Под громриловым лбом шлема он выглядел серьезным, но не менее растерянным, чем король, к которому обращался.

- Я Соини, владыка. Страж первых врат.

- Страж... А что случилось с Ральфом Гундерссоном?

Привратник покачал головой.

- Я был стражем врат, сколько себя помню.

Эгиль смотрел на привратника в течение еще одного долгого промежутка времени.

Соини. Конечно. Он не был уверен, откуда взялось другое имя. Сейчас он и не помнил, что это было за имя.

Соини охранял первый врата целую вечность.

- Мой король?

Вырванный из раздумий, Эгиль жестом указал привратнику встать. Тот подчинился.

- Что завело тебя так далеко от принятого с клятвой долга?

Привратник огляделся, будто проделал весь этот путь, а теперь не мог вспомнить.

- Го... гость, мой король.

- Го...

Эгиль вдруг осознал тишину вокруг. Пустоту.

Они пировали. Скалли подавал ему эль. Лауффир произносил речь. Но только потому, что это была традиция. Новоприбывшие не приходили к воротам уже... уже... Он не мог вспомнить, как долго.

Эгиль сделал еще один медленный глоток эля, пока размышлял. Первым его порывом было прогнать Соини из зала и вернуться к пиру, как требовала традиция Кунгстроллена.

Что ему нужно делать?

- Где?.. - нерешительно начал он. - Где этот гость?

Отзвуки их шагов терялось в громаде зала. Коридоры были величественными, но пустыми. Они являлись эхом всех когда-либо созданных дуардинских залов, пожалуй, не подобие, а шаблон, такой, в котором при взгляде любой дуардин из любых владений признает дом. Эгиль смотрел на него, как человек, видевший миллионы примеров чуда и теперь не видящий ничего.

- Что может быть более подходящим на Кунгстроллен, - осторожно предположил Лауффир, будто опасаясь, что в любой момент его оспорят, - чем привечать кого-то из наших потерянных братьев или сестер?

Путешествие из пиршественного зала на третьей глубине до первых врат занимало полдюжины миль и несколько тысяч ступеней. Это стало непривычно тяжелой нагрузкой, от чего у Эгиля началась отдышка, и он несколько раз сбивался с дыхания, прислоняясь к стене и гадая, что случилось с его силой. Несмотря на это, он не был единственным дуардином, выбравшим покинуть холодное мясо, безвкусный эль и пустые тосты, предпочтя присоединиться к Соини в походе. Сопровождать его решил весь зал. Новенький. Это было так неожиданно и так беспрецедентно в последнее время, что никто не хотел оставаться, не считая двух сбитых с толку молотобойцев, принесших клятву охранять пиршественный зал на Кунгстроллен.

Всех их проглотила безграничность и пустота коридора.

Здесь не было окон. Вместо них огромные арки высоко на стенах заполняла громадная окрашенная резьба, изображавшая горы, облака, ледниковые озера и залешенные вершины холмов. Хитрые системы перепада температур и мехов позволяли воздуху циркулировать так, что он ощущался почти как естественный бриз. Время от времени Эгиль чувствовал холодное дыхание на затылке, слышал стонущий голос, почти убедив себя в том, что это ветер. *Враг*. Король пытался вспомнить, как он выглядел, но не мог - лишь только что тот ужасен. Он огляделся, подумывая отослать Лауффира и остальных обратно вниз, чтобы продолжить пир. Не считая Соини, вооружены были только Эгиль и Финн. В итоге от этой команды его увела тоска, а не какой-либо учет возможных опасностей. Враг был снаружи. Враг всегда был снаружи. Пока ворота закрыты, так и будет.

Они прошли под титанической позолоченной аркой, вырезанной наподобие головы Грунгни Творца, так что казалось, словно они проходят через его открытый рот, чтобы достичь такой же грандиозной

лестницы. По ней могла бы подняться армия, оставив место для спуска другой. Она была такой огромной, что из ее стен можно было вырезать небольшой замок и несколько блоков жилищ.

- Ты когда-нибудь?.. - начал Финн, глядя вверх вдоль поднимающихся ступеней. - Ты когда-нибудь задумывался?..

«Где все», - закончил Эгиль, но не произнес этого.

Если бы он остановился и подумал об этом, пусть даже на мгновение, то это показалось бы бессмыслицей. Могло ли действительно все население его крепости насчитывать около сотни древних дуардинов вокруг?

Наверху лестницы, где дыхание сохранил только привратник Соини, они убрали паутину и вывалились в вестибюль. Эгиль моргал, пока его слезящиеся, адаптировавшиеся к глубине глаза привыкали к неожиданному виду.

Пространства было больше даже чем в пиршественном зале. Как первое место крепости, которое увидит любой новоприбывший, оно было заявлением твердости, процветания и силы. Восемь восхитительных фресок изображали Смертные Владения драгоценными металлами и камнями, наиболее подходящими их характеру. Вместе они соединялись упорядоченным космосом вокруг рук Грунгни, вечно вращающегося изделия механического мастерства в центре потолка, собравшего элементы из всех восьми форм камня владений. «В этом зале рады всем, - говорило оно. - Где бы ни началось твое долго путешествие по владениям, здесь оно завершилось». Высокие каменные колонны, резные статуи предков, глядели внутрь с простертыми в приветствии руками. На стенах были выбиты замки, оправленные в деревянные щиты, с которых когда-то свисали торжественные знамена. Их цитадели теперь занимал лишь ветер, стонами колыхая те же знамена.

Однако, спустя долгое время, Эгиль увидел других дуардинов. Горстка тяжело бронированных подземных стражей собралась у огромного мрачного лика закрытых навеки врат. Половина была вооружена топорами и щитами, половина - ружьями и плюющим огнем пушками. Еще пара в более легком снаряжении стояла у сложного вида залповой пушки, установленной на поворотной платформе. Время от времени врата, за которыми они наблюдали, со скрипом приотворялись, толкаемые вовнутрь, будто что-то невообразимое колотило по ним снаружи кулаками. Знамена трепетали до самого конца зала, у Эгиля подпрыгивало сердце, будто от страха перед вечно надвигающимся проклятьем, но ничто не прорывалось через эти двери.

Не считая одного, который как-то уже прошел.

Новоприбывший приветственно поднял бесподобно инкрустированную латную перчатку. Пока он улыбался и хмурился на бдительные щиты подземных стражей, его гордые глаза мерцали, как драгоценные камни, честной радостью в один миг, суровым и столь же ясным упреком в другой.

- Насколько дальше нужно пройти дуардину в этом зале, чтобы ему предложили пива?

Чтобы приблизиться, Эгилю пришлось прикрыть глаза. Цвета алого плаща и белой бороды странника были слишком броскими. Камни на его доспехах - слишком яркими. Все в нем было острее и полнее определено, чем было позволено. Он обстучал грязь с потертых кожаных прогулочных ботинок, и гул от этого был таков, словно об землю ударили двумя забитыми бочками. Когда он стряхнул с плаща хлопья аметиста, они превратились в мерцающий вихрь, ошарашившего наблюдавших дуардинов, как детей.

Даже принесенный им горный воздух и запах табака в его дыхании были такими же живыми, как в тот миг, когда Эгиль впервые их почувствовал. Финн стоял с открытым ртом. Лауффир неуверенно пошел к нему с вытянутыми руками, но Эгиль потянул его назад.

Для приветствия новоприбывшего к воротам был обряд, но Эгиль не мог его вспомнить, хоть убей.

- Так теперь встречают незнакомцев? - спросил путник, качая головой, и свет, отраженный от его густых белых бровей, ослепил Эгиля разочарованием. - Неудивительно, что вас так мало осталось.

- Кто?.. - сумел прохрипеть Эгиль. - Кто ты?

- Имена здесь значат мало, но, полагаю, ты можешь называть меня Готти.

Эгиль фыркнул.

На древнем языке это буквально значило «странник».

- Как ты прошел через врата?

Вместо ответа Готти посмотрел вверх, будто осматривая более прозаичные чудеса вестибюля Эгиля.

- Единственное место, которое я всегда мечтал увидеть, и единственное место, которое всегда меня отвергало, - он улыбнулся сам себе, но когда закончил восхищенное изучение потолка и восьми связанных фресок, в нем была печаль, которую заметил даже Эгиль. - Не каждый день кто-то, путешествующий столько же, сколько я, видит что-то, что никогда не видел раньше. По крайней мере за это, я тебя благодарю, - он вновь повернулся к Эгилю. Готти продолжал улыбаться, но усталость в глазах говорила о разочарованности. - Но ее здесь нет, верно.

- Кого нет?

Едва Эгиль задал вопрос, как из-за использования Готти слова «ее» вспыхнуло воспоминание. Третье кресло в пиршественном зале. То, что между ним и его сыном. Дуардин с длинными локонами, будто осенние листья, и такой глубокой складкой на лбу, что из-за своего неодобрения она казалась вырезанной из дерева. Дуардин, о которой он мечтал так, как другие мечтают о золоте, которую он любил, и которая почему-то любила Эгиля в ответ, несмотря на твердое упрямство, выраженное больше прочих черт. Воспоминание принесло с собой незнакомое ощущение тепла, растекавшееся вовне из его груди. Однако же, оно исчезло, едва он его осознал. Вместо него затаилась боль. Он не знал, где хранились эти воспоминания, и откуда они теперь приходят. Стоять перед незнакомцем было все равно, что стать камнем, который обтесывают алмазом.

Внезапно он вспомнил. Хелнвин. Так ее звали.

Он вспомнил, как она сидела в своем кресле в пиршественном зале и тускнела, тускнела, день за днем, пока однажды кресло просто не опустело, а Эгиль и не заметил этого. Он и остальные просто забыли, будто ее никогда и не существовало, и сами продолжили тускнеть.

Он обнаружил, что столкнулся с еще одной новой эмоцией: скорбью.

Она ему совсем не нравилась.

- Нет, - вздохнул Готти, и от философичной мрачности в его отрицании Эгиль заскрежетал зубами. - Ее нет. Она бы не оставила усталого путника томиться жаждой у своего порога, - он сделал движение,

будто уходит.

Эгиль не вполне понимал, что происходит. Чересчур быстро случилось слишком много нового, но в одной вещи он мог быть железно уверен: врата оставались закрытыми. Ужасно было даже то, что они один раз уже открылись.

- Стража! - рявкнул Эгиль. - Этот чужак не покинет мой зал.

Белобородый дуардин поморщился, когда привратник Соини и его воины перестроились, преградив ему путь. В его глазах вспыхнул гнев, и подземные стражи отшатнулись, будто от только что распахнувшейся пасти огнедышащего дракона.

- Уберите оружие или вынесите его наружу, - он резко указал на огромные врата перед собой. - И направьте на тех, кто заслужил.

К ужасу Эгиля стражи опустили ружья и топоры и отступили с совершенно пристыженным видом.

- Я король в этом чертоге! - сказал Эгиль со всей силой, какую мог собрать.

Странник не решился склонить голову.

- Прошу прощения, если задел, но у меня болят ноги, а в этом владении есть что-то, наполняющее меня печалью и, в доверок, жуткой жаждой, - он пылливо посмотрел на Эгиля. - Ты король, да, я знаю. Но твои врата так долго оставались закрытыми, что мне интересно, помнишь ты ли, королем чего являешься.

Легкие Эгиля заскрипели, когда он сделал самый большой вдох за долгие века. Он смотрел на Готти, будто получил пощечину.

- Как бы ни было приятно, - продолжил путник, - мне правда нужно идти.

- Но... Враг.

Готти медленно улыбнулся.

- А, он? Я бы о нем не беспокоился.

Собравшиеся дуардины перешептывались друг с другом, будто придя к какому-то общему соглашению о смысле слов, произнесенных чужаком.

- Ты ведь, несомненно, помнишь время до того, как он возвысился и вынудил тебя закрыть врата. Помнишь?

Дуардины чертога вновь озадаченно переглянулись.

Готти казался изумленным.

- Помнишь?

- Я... - Эгиль двигал губами, словно они некогда принадлежали кому-то другому, кто может вернуться за ними в любой момент. - Я... я помню это.

- И я, - медленно сказал Финн.

- Я тоже, - произнес Лауффир и, кажется, собирался продолжить, но Готти перебил.

- Так разве ты не можешь представить возможность, что однажды ворота могут вновь распахнуться?

Эгиль наморщил лоб, пытаясь целиком развернуть разум ко дню в *будущем*, а не в прошлом. Под нажимом незнакомца, у него почти получилось. Он коснулся болящих щек.

К своему удивлению, он улыбался.

- Враг всегда был, - пробормотал Финн, упрямый, как труп в земле. - Враг всегда будет.

Готти пожал плечами.

- Тогда как я попал сюда?

На это у Финна не было ответа.

- А где все остальные, что когда-то жили здесь с тобой?

- Остальные? - спросил недоумевающий Лауффир.

- *Где* остальные? - сказал Эгиль, размышляя о дуардинской королеве из воспоминаний.

Готти понимающе улыбнулся, но не ответил. Он вновь повернулся к воротам, и в этот раз привратники не пытались его остановить.

- Ты не откроешь эти ворота, - крикнул ему вслед Эгиль. - Ты не покинешь этот чертог!

- Попробуй остановить меня, парень.

Эгиль пошел к нему, к своему великому удивлению обнаружив, что держит топор в руке. Он ощущался правильным. Легким. Когда король только принял решение покинуть пир Кунгстроллен, то не был уверен, что сможет стоять, и не был однозначно убежден, хочет ли этого, не говоря уже о том, чтобы выдержать долгий путь к первым воротам. Теперь же он почти бежал, его сын — позади, крича во весь голос, чтобы Готти остановился, когда странник поднял засов врат и толчком раскрыл их.

Эгиль ощутил треплющий волосы настоящий ветер, и это чувство было таким непривычным, что пугало. Будто на него напал противник, атакующий, как хочет, а его пальцы без вреда проходили через него - враг, к которому можно повернуться лицом, но не видеть. Финн, Соини и половина привратников выбежали за ним на узкий пешеходный мост, серые волосы трепались на их головах. Без знакомых укреплений чертога, одной лишь зияющей пустоты во всех направлениях, они выглядели такими ужасающе хрупкими, что, казалось, и ветра будет достаточно, чтобы сломать их. Готти остановился на трети пути через мост, и Эгиль неуклюже замер недалеко от него.

Он осмотрелся, тысячи лет памяти вновь накатывались на него с каждым поворотом головы. Небо - баламуть темно-фиолетового, исполосованные ленты скручивались в еще более глубокую тьму, соединяясь в точку чистого черного размером с палец прямо над макушками гор. Их пики осыпались. Титанические обломки ледников и аметистового цвета скал висели в небе из-за притяжения этого черного диска. Дыхание Эгиля замерзло у него на бороде, и даже выдыхаемый им пар тянулся к этому голодному надиру. Он повернулся к Финну. Его сын в ужасе смотрел на кошмар, являвшийся для них небом.

Пешеходный мост накрывал огромный, кажущийся бездонным разлом, соединяя первые ворота с голым

обрывом с иссушенными деревьями. Их отвердевшие ветви тянулись к засасывающему разрыву в небе, как сломанные пальцы, - пародия на то, как зеленые растения, которые почти смог вспомнить Эгиль, тянутся к солнцу.

Он едва помнил, как ощущается солнечный свет.

- Что это? - громко произнес Финн.

- Твое королевство, парень, - ответил Готти, почти дружелюбно, словно не ожидал компанию, но был рад ее принять. - Или то, что от него осталось.

Мост содрогался под ними. Эгиль и другие дуардины широко расставили ноги, чтобы удержаться во время тряски. Огромные трещины раскололи обрыв перед ними, и мертвые деревья сломались и упали в пролом. Лишь Готти казался безразличным.

С жутким чувством тревоги Эгиль посмотрел вверх. Крутящаяся воронка в небе медленно повернулась к ним, оказавшись прямо над головой, став аккреционным диском, окружившим бесконечный черный колодец глазницы. Все небо стало лицом - огромным, похожим на череп лицом. У Эгиля упало сердце. Он не мог отвести взгляд. Никогда он не знал такого ужаса, но в нем было некое чудо. Долгое время он не ощущал себя достаточно живым, чтобы бояться.

- Враг! - воскликнул Финн.

Соини прокричал приказ. Привратники вскинули оружие вверх, но не открыли огонь. «Конечно, не открыли», - подумал Эгиль. Это же небо. Все. Не удивительно, что они закрыли врата, решили забыть и исчезнуть, держаться за ту малость самих себя, которую могли сохранить, даже утратив все, что было важно для них. Лучше, чем неизбежно стать единым с... стать единым с...

- Нагашем, - свинцовым голосом сказал Готти. Будто странник прочел его мысли. - Он жаждет поглотить тебя и твой чертог, как многие другие в этом владении. Веками, сосчитать которые не могу даже я, он охотился на тебя. Он терпелив, отдаю ему должное, но созданное дуардинами так просто не сломаешь, а дуардина, который намерен прятаться, легко не найдешь, - он повернулся и подмигнул. Его сверкающая белая борода встопорчилась вокруг сдержанной улыбки, когда он постучал по боку носа. - Если, конечно, не знаешь, что искать.

Когда глаз сфокусировался на них, раздался грохот. Вся крыша мира, казалось, содрогалась, и Эгиль был уверен, что его часть владений вот-вот перевернется вверх тормашками, сбросив их, кричащих, в ужасный глаз.

- Я не понимаю!

- Разве? Ты уверен?

- Я...

Готти выдохнул, будто произносил нравоучения.

- При жизни ты был королем Эгилем Трондикссоном из Варн Смараг, Изумрудного Озера Вечновесной Полосы. За хорошее правление и хорошую смерть твоей наградой стало то, что ты будешь королем и в загробном мире. Или того, что от него осталось.

- Так я?..

- Мертв? Да. Впрочем, когда-то это не было концом.

Отовсюду раздался пронизывающий вой. Эгиль отвел глаза от неба. Среди кладбища мертвых деревьев собиралось нечто, похожее на потоп материи духов. Неожиданно он вырвался из леса. Большая его часть устремилась через край ущелья, но на мостик вырвалось более чем достаточно, чтобы смести группу дуардинов, обрекая их на смерть. Эгиль инстинктивно сжал топор сильнее, когда из бушующей пены появились мерцающие черепа и призрачные копья отдельных духов. Он понял, что это не бездумный поток, а орда - ненасытная армия бесплотных мертвецов.

- Обман! - ревел Финн, чей голос стал более глубоким и лихим, более *живым*, чем всего несколько мгновений назад. - Этот чужак открыл наши врата перед Врагом.

- Огонь! - рявкнул Соини.

Выстрелили ружья привратников. Шум стал раскатом грома, вычистившим из головы Эгиля остатки застоявшегося воздуха.

Он вспомнил часы перед смертью: покрытый оспинами, но все еще поднимающийся с постели больного, дабы сразиться с Червородьями и их ползучими союзниками-скавенами, пока запечатывались последние хранилища Варн Смараг. Он вспомнил длинную, темную дорогу с Хелнвин и Финном в царства мертвых, в Шаише, клятвы, которые он с ними принесли, когда Эгиль принял правление этим залом.

Привечать всех приходящих.

И защищать их от всех напастей.

С ревом он шагнул перед Финном и остальными и обрушил свой топор на череп духа. Не смотря на бесплотность призрака, Эгиль почувствовал хруст от удара, когда топор разрубил прозрачный зеленый шлем. Готти, видимо, говорил правду. Он был мертв. Но с тех пор, как прибыл странник и открылись двери, он чувствовал себя таким живым. Дух взвыл и упал с края моста в ничто, испуская мглу, как бурлящее озеро - пар.

- Ты сказал, что Врага больше нет!

- Разве? - лишь Готти не принимал участия в схватке. Его огромный топор мерцал на широкой спине. Духи текли вокруг него, будто избегая, но из-за этого почти что сами бросались на топоры дуардинов, как крысы, спасающиеся от пожара. - Или я лишь попросил тебя подумать, что могло бы случиться? Что *может* случиться.

Эгиль зарычал, отразив колющий удар щупальца светящейся тьмы, принявшего форму меча. Он ударил головой его обладателя, тот упал на спину и распался, поглощенный потоком. Финн увяз, пена пятнала его бороду, пока он прорубался через призрачное воинство топором, кулаком и топчущей ногой. Эгиль вспомнил, как такого же *живого* дуардина задавила пищащая орда скавенов. Трудно было примирить это с плесневелым стариком, с которым он медленно таял последний век. Тем временем, Соини со своими воинами вновь встали в строй, пользуясь залповым огнем и продуманными построениями, чтобы загнать мертвецов на щиты и разрубить топорами.

Дуардинов было мало, так мало, а мертвых - много. Даже защищая лишь узкий мостик, им не выстоять вечно. А «вечно» во Владении Смерти приобретало буквальное значение.

Эгиль вновь посмотрел вверх и дрогнул перед взглядом Врага.

А с некоторыми вещами вообще невозможно сражаться.

- Нагаш сейчас слабее, чем когда-либо с тех пор, как Зигмар, этот идеалистичный человек, выпустил его из горы-пирамиды в глубочайших царствах мертвых Шаиша, - сказал Готти, вновь прочитав его мысли. - Унижен Теклисом. Осажден на всех фронтах. Пришло время тебе открыть врата и почтить клятвы, принесенные еще живущим дуардинам.

- Но нас так мало.

- Думаешь?

- Наши стены укрыли от Врага наши чертоги, но не укрыли нас от увядания. От нас почти ничего не осталось.

- А что скажешь на это?

Эгиль проследил за протянутым пальцем Готти туда, где вдоль терзаемого горизонта протянулся металлический блеск. Он охнул, поначалу приняв это за рассвет, вроде тех, что он помнил из жизни в Гиране, но лишь осознал, что видит нечто более чудесное, чем любое воспоминание. Не свет. Отраженный блеск золота, серебра, железа и драгоценных камней. Будущее, видеть которое он разучился, закрывшись от призраков прошлого. Смотрел он на шлемы, кольчуги и оружие дуардинских павших, тысячами тысяч маршировавших через Пролом Газула к вновь открывшимся вратам их царства мертвых. Эгиль ошеломленно и благоговейно смотрел, как первые их ряды вошли в мертвый лес и атаковали тыл призрачной орды. Вопль их столкновения был одновременно ужасным и завораживающим.

- Как? - сумел произнести он, опуская топор и отступая, когда сила, толкавшая войско духов на привратников, ослабла. - Откуда?

- Думаешь, дуардины перестали умирать, когда врата Зала Предков закрылись? Если бы только это было так.

- Ты просил у меня эля. Если встанешь со мной, чтобы поприветствовать их, я прикажу Троггобою принести сотню бочек его лучшего пива.

Готти усмехнулся, обратив тоскующий взгляд на врата позади него.

- Может, когда-нибудь. Когда-нибудь. Но до тех пор, мне нужно найти больше залов, открыть больше дверей. В Шаише царств мертвых сколько же, сколько дуардинов в Смертных Владениях, и, чую, мне придется обыскать их все.

- В поисках чего?

Готти широко улыбнулся ему, и Эгиль почувствовал, будто ему в руки только что упали все богатства Смертных Владений.

- Кого-нибудь с добрым сердцем и крепким элем для странника, несомненно.

Не зная, что сказать, Эгиль повернулся, чтобы посмотреть на дуардинов, лишь теперь заходивших на мост к ним.

- Что мне им сказать? После стольких лет?

Готти не ответил.

Эгиль оглянулся через плечо, обнаружив, что путник исчез, но в отличие от Хелнвин, Ральфа и остальных, он не забрал все воспоминания о себе. Эгиль глубоко вдохнул. Он чувствовал, будто вновь обрел цель. Будто у него появилась надежда.

Финн смотрел на него с широкой, твердой улыбкой дуардина куда моложе.

- Мы что-нибудь придумаем.

Небо над ними сотрясилось от ярости бога. Эгиль заметил, что огромный крутящийся глаз не отступил. Наоборот, стал ближе. Но он больше не боялся.

Он чувствовал, что этот Кунгстроллен будет памятным.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Зал_предков_/_The_Ancestors%27_Hall_\(рассказ\)&oldid=25600](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Зал_предков_/_The_Ancestors%27_Hall_(рассказ)&oldid=25600)

Эта страница в последний раз была отредактирована 28 июля 2024 в 01:45.